

18+

Александр Аксёнов

Песочница

Александр Аксёнов

Песочница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72716074

ISBN 9785006838833

Аннотация

Главный герой заперт в камере. Его сознание расколото, оно проваливается в прошлое. Каждая вспышка – это шаг вглубь тьмы: детство, искалеченное жестоким отцом; токсичный брак, превратившийся в ад во время пандемии; и, наконец, тот фатальный вечер. Это беспощадный психологический триллер, написанный в стиле «потока сознания». Для поклонников сложных, нелинейных нарративов и глубокого психологического анализа. Книга содержит нецензурную брань.

Песочница

Александр Аксёнов

© Александр Аксёнов, 2025

ISBN 978-5-0068-3883-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Землистого цвета стены, грубая, неровная штукатурка. Массивная железная дверь с крохотным окошком. В углу притулилась грубо сколоченная из досок скамья, рядом с ней – ржавое ведро, полное мутной жижи. Всё это давило, нависало и тонуло в гнетущей тишине, пропитанной тяжелым запахом плесени и застарелой мочи.

Резкий скрип петель разорвал тишину.

– Встать! – прогремел следом голос.

В дверном проёме возникла бесформенная масса человеческого тела в распахнутой форменной рубашке. Я дёрнулся, сел на лежанку и втянул голову в плечи. Мой взгляд вцепился в его трясущиеся руки и длинный черный предмет, болтающийся в одной из них. В его глазах стоял туман.

Сейчас! – пронзила мысль. – *Сейчас...*

Я покорно замер. Он шагнул и тяжело замахнулся. Я еще больше вжал голову. Мир на миг дрогнул. Удар отозвался гулом во всём теле. Подскочив, я судорожно попятился, пока не врезался спиной в стену.

Перед моими глазами промелькнул образ молодого отца. Я словно провалился в то время. Кулаки сжались.

– Нет, сука, не будет по-твоему! – прошипел я сквозь стиснутые зубы.

Моя фраза, казалось, пробила плотную пелену перед его глазами. Рот чуть приоткрылся, уголки губ дрогнули. Я застыл вместе с ним.

В следующее мгновение взгляд его вновь потух.

– Да будь ты проклят! – выдохнул я, еще сильнее вжимаюсь в стену. Ребра сдавило.

– Сейчас! – прорычал он, брызжа слюной, и сделал резкий выпад в мою сторону, будто в пустоту.

На этот раз удар пришёлся по голове. Скрип костей, сросшихся еще в младенчестве, и ярко-желтое облако искр заволокло все вокруг. Ноги резко подкосились, и я рухнул на пол, но неведомая сила рывком вскинула меня обратно вверх. Сердце долбило в грудь.

Затаиться, задержать дыхание, не шевелиться! Бежать! Держать руки, держать руки! Сжавшись, я судорожно обхватил голову.

Тошнота подкатила к горлу, губы и подбородок мелко за-

дрожали, на глаза навернулись слёзы. Все вокруг поплыло. Звуки стали глухими и далекими.

В голове застучало: *Никто не должен... Какое ты право? Да кто ты такой? Пошел ты... наплевать...* Я сжал зубы и уставился на него.

Собрав всё, что скопилось во рту – кровь, слюну, слёзы, – и, мотая головой из стороны в сторону, я что было сил выхаркнул это в его сторону.

Время остановилось.

Он уставился на мою грудь. Вся эта кровавая масса повисла на моем подбородке и медленно стекала. Его губы скривились в ухмылке отвращения.

Мой взгляд заметался.

– Который час? – хрипло выплеснул я в его сторону через несколько секунд.

Его лицо начало меняться: ухмылка медленно превратилась в оскал, обнажив жёлтые зубы и налёт на языке. Он затрясся от смеха.

– Который час?

– Который час? – повторил он. Его хохот стал ещё громче, заставляя уже дрожать стены.

Он повернулся к коридору, словно ожидая, что кто-то ещё разделит его веселье.

Маска смеха слетела с его лица с той же стремительностью, как и появилась, едва он повернулся обратно ко мне. Без промедления он ринулся на меня с неожиданной для его

телосложения скоростью.

Все замедлилось.

Каждый удар четко ложился на новое место и уже почти не ощущался мной. Мои руки металась перед лицом, словно лопасти ветряной мельницы.

Когда же ты остановишься, сука! – отстраненно проскрежетало в голове, челюсть закрипела.

Я еще сильнее вжался в стену.

Неожиданно эта глыба потеряла равновесие. Он едва удержался на ногах, заваливаясь на одно колено. Я чуть выпрямился, и в тот же миг моя правая нога, словно сама по себе, хлестким ударом врезалась ему в лицо. Он пошатнулся и начал оседать, лихорадочно пытаясь зацепиться за край лежанки и неразборчиво мыча.

– Вот сейчас мне точно придет... — прошептал я.

Тело инстинктивно дернулось к нему, но сразу же отпрянуло, ударившись о стену. Пытаясь выровнять дыхание, я неотрывно следил за каждым его движением. Легкие бешено засасывали воздух.

Он поднял голову и вытер кровь с лица. Посмотрев на руку, он на мгновение замер, а затем медленно, не сводя с меня глаз, стал подниматься. Его рука потянулась к кобуре.

Холод волной прокатился по всему телу. Я замер, словно слившись со стеной.

– Стой, стой, стой, не нужно! – вырвалось у меня. Руки произвольно потянулись в его сторону. Я зажмурился.

– Убийца... – прошипел он, и через секунду меня оглушил сухой грохот выстрела, эхом ударивший в стены. Приятное тепло разлилось по всему телу, становящемуся ватным. Образ меня – того, кем я привык быть – беспомощно ускользал в темноту. В какой-то момент мелькнула картина небольшого дворика из детства, силуэты людей в нём, в ноздри ударил запах сырой земли и мокрых листьев.

«Не трогай моего ребёнка!» – пронеслось молодым женским голосом матери.

«Не трогай моего ребёнка!» – как вспышка, прозвучал этот крик второй раз, но уже голосом постарше.

Серая муть плыла перед глазами. Грудь будто стянуло железным обручем – рот судорожно хватал воздух. Я рванул воротник. Раздался треск, и тут же правый бок пронзила острая боль.

Я замер, боясь шевельнуться.

– Что за чёрт? Где я? – сорвалось с губ. Я с усилием повел головой по сторонам. Взгляд панически шарил по тусклым, едва различимым предметам вокруг: стена, ведро, окошко... все тоже.

Мои плечи поникли. Мир проявился.

Превозмогая боль, я поднялся с лежанки, уставившись на свои заляпанные кровью и грязью ботинки. Неожиданно вязкий, упругий комок желчи подкатил к горлу, – казалось, что-то невидимое стремительно выдавливалось из меня

всё нутро. Крепко зажав рот ладонью, я судорожно согнулся. Содержимое желудка хлынуло сквозь пальцы на пол, едкий запах кислоты резко ударил в нос. Меня повело, картинка перед глазами расплылась, и я опять провалился в темноту.

Проступили контуры. Я понял, что смотрю на собственное тело. Но так словно из другого себя. Словно со стороны.

Моя слабая попытка пошевелиться ни к чему не привела – тело окаменело.

Это сон... – мелькнула мысль, и, словно в ответ, перед мной проступила тропинка. Я посмотрел на свои руки и тут же поднял голову. Все было как в компьютерной игре. Перед глазами проявилась темная лесная чаща.

Внутри все сжалось. Я осмотрелся.

Нерешительно сделав первый шаг, а потом еще несколько, я ощутил, как неосязаемый груз начал вдавливать меня к земле, сжимая грудь, проникая в кости. Я начал задыхаться. Ноги подломились, и я рухнул лицом в сырую почву. Аромат гниющей листвы и прелой земли ударил мне в ноздри.

Я сморщил нос и, мыча, замотал головой. Меня вытолкнуло обратно в реальность.

«Твою мать», – выдохнул я, открывая свои глаза.

Боль, тяжесть, усталость – все разом обрушилось на меня. Во рту стоял привкус горечи.

Я этого не выдержу! У меня нет сил... Лучше сдохнуть... Мысли заметались в голове, одна за другой. Тяжелые слёзы поползли к уголкам губ. И в то же мгновение кто-то рядом

со мной зашуршал. Страх обрушился, как бетонная плита, вышибая воздух из легких.

Я несколько секунд не смел пошевелиться.

Собравшись с духом, я повернул голову. Передо мной предстал старик в серой, оборванной одежде, с белоснежной копной волос на голове. Как гном из старой сказки. От него несло мочой.

– Откуда ты взялся? – прохрипел я наконец-то. Напряжение начало медленно отпускать тело. Я не отрывал от него взгляда.

Его ответ не заставил себя ждать.

– Стреляли, – выпалил он. И почти сразу странная, детская улыбка тронула его губы, обнажив почти беззубый рот.

Стреляли – гулом отозвалось в моей голове. Волна холода сковала спину, сердце споткнулось.

Я рывком задрал футболку и, уставился на синее пятно чуть выше правого соска. Я прилип к нему взглядом.

– Травмат, – я медленно начал опускать футболку, уставившись перед собой. *Все хорошо, все хорошо, это просто... А что если он повредил что-то внутри? Почему так трудно дышать? Сердце... оно стучит как-то странно?*

По телу горячей волной прокатилась паника.

Я еще выше задрал край футболки и осторожно начал ощупывать синяк.

«Все нормально, все нормально... Просто ушиб», – забормотал я, через несколько секунд пытаюсь унять дрожь, и за-

ставил себя сделать глубокий, рваный вдох.

Руки все еще дрожали, но я медленно опустил футболку и, собрав всю волю, повернул голову к старику и произнес:

– Сколько я уже тут?

Он посмотрел мне в глаза.

– Не обижайся на него. Он не плохой, – прошептал он, словно не слышал моего вопроса, а затем перевел взгляд на мою грудь и улыбнулся.

Мои глаза широко раскрылись, из горла вырвался хриплый вздох, медленно перешедший в глухое сопение.

— Да пошел ты! – наконец вырвалось, и в голове полыхнуло:

Это он стоял тогда в коридоре! Это он смеялся вместе с тем гадом...

Кулаки сжались. Я впился в него глазами. Его взгляд, наивный, почти ребячливый, непринужденно встретил мой. Моя ярость мгновенно разбилась о него, как волна о скалу. Я резко отвернулся.

Что происходит?! – растерянно пронеслось у меня в голове.

Он твёрдо продолжил:

– Нет между вами никакой разницы. Её нет, – повторил он и уставился на меня. – И ты не плохой, ты тоже просто...

Он замолчал, не отрывая от меня глаз, словно вслушиваясь в мои мысли. И тут в сознании промелькнули глаза охранника. Плотная пелена в них. В голове полыхнуло, все

поплыло. Я провалился в воспоминание юности.

Всё было словно в немом кино. Две фигуры двигались в беззвучном танце: одна – моя; другая – моего друга, застывшего на скамейке и наклонившегося в мою сторону.

И вдруг кто-то словно выкрутил ручку громкости на максимум. В сознание врезались мои собственные слова: «Река... Это как плыть по реке, ничего не видя перед собой. Жить в тумане».

Я вернулся обратно и, вперив презрительный взгляд в него, выпалил:

– Не компостируй мне мозги своей чушью! Я сразу отвёл глаза и на миг застыл, уставившись на стену перед собой. В голове что-то зашевелилось.

Я заставил себя снова взглянуть на него.

– Зачем ты мне это говоришь? Что происходит? Кто ты? – проговорил я настолько сдержанно, насколько сейчас был способен, не отрывая от него взгляда.

Он плавно перевернулся на спину, и уставился в потолок, улыбаясь уже чему-то невидимому перед собой.

– Ты знаешь зачем, – произнес он спустя несколько секунд.

И, повернувшись, он посмотрел на меня взглядом, наполненным безграничной теплотой. Эта теплота была настолько глубокой и неуместной в стенах камеры, что казалась даже жуткой.

Повисла тишина.

– Чтобы он начал рассеиваться! – произнес он и громко замолчал.

Сердце застыло на мгновение и затарахтело вновь, но уже гулко и часто.

Мой взгляд начал метаться между ним и пространством передо мной. Абсурд происходящего окончательно накатиł на меня.

Я понял, что сейчас рассмеюсь. Рот открылся, но из горла вырвалось лишь сдавленное мычание. Я захлопнул его, повернувшись к нему.

Ещё некоторое время я лежал неподвижно, лишь изредка произвольно усмехаясь и краем глаза поглядывая на моего соседа. Затем я порывался заговорить, но тут же обрывал эти попытки, опять уходя в свои мысли.

Казалось, прошла вечность этих метаний. Боль, усталость и недоумение начали брать свое. Всё, что меня окружало: запах, сырость, грязь, холод, собственные мысли, сам этот старик рядом – все это постепенно начало таять, растворяться. По телу разлилось тепло, словно мягкая волна, принося странное, почти приторное спокойствие и чувство лёгкости.

Передо мной возник образ реки. Её воды медленно текли, сокрытые туманной вуалью, но кое-где среди этой дымки пробивались лучи света, рождая на её поверхности блики, подобные отсветам далёкого утра. И вдруг – легкий, пряный и едва заметный запах её волос ударил мне в ноздри...

Солнце настойчиво пробивалось сквозь задёрнутые рваные шторы, разрезая полумрак комнаты золотистыми полосами. За окном туман.

Не дыша, я наклонился к ней. В ушах стучала кровь... Едва коснувшись губами мочки ее уха, я замер, а затем медленно выдохнул в него воздух.

– Не лезь, отстань от меня! Что ты опять начинаешь?! – прокричала она.

Ее голова метнулась назад, и в тот же миг раздался хруст в моей переносице, а следом ее бедро с силой врезалось мне прямо в пах.

– Твою мать, ты чего творишь! — взвыл я, хватаясь сначала за нос, а потом судорожно за пах.

– Ты мне там все... — оттянув резинку трусов, я несколько секунд смотрел вниз, потом отпустил и перевел взгляд на нее.

В этот момент она уже вынырнула из-под одеяла и с любопытством смотрела на меня. Некоторое время мы молча смотрели друг другу в глаза.

Память подбросила образы: она лежит на диване, ее огромный живот с темной полосой, полный жизни.

Даже тогда... даже тогда секса было больше. А сейчас он, эта новая жизнь, – ребенок – лежал рядом с ней, на краю

дивана... И...

В сознание ворвался образ красного бетонного пола и недоуменное лицо сына. Его болтающиеся в воздухе маленькие ручки и ножки. Глухой удар маленькой головы о пол – звук, от которого сжался весь мир, — заложил уши. По спине пробежал холод.

– Давай поменяемся местами! – раздраженно выпалил я, ткнув ее в бок. И следом ткнул снова, чуть сильнее.

— Двигайся, а то ребенок опять упадет, как в тот раз. А ты опять будешь хлопать своими глазками! — прошипел я сквозь стиснутые зубы.

— Не буду я спать у стены, — выпалила она, вяло отмахнувшись.

Но уже через секунду, рывком сбросив одеяло и поднявшись, принялась быстро поправлять его под ребенком.

Внутренним взором я увидел лицо ее отца – те же упрямо сжатые челюсти, тот же взгляд.

– Упрямая, как чертов баран... — прошептал я себе под нос.

Отвернувшись к стене и свернувшись калачиком, я закрыл глаза, убегая от реальности. Она продолжала шуршать у меня за спиной. Через несколько минут я провалился в сон и меня затопили видения моих желаний: бархатистая кожа раздвинутых бедер, податливые изгибы тела, влажные поцелуи, скользящие по спине. Горячие волны нарастающего возбуждения захлестнули тело, смывая остатки реальности

и погружая в тягучую негу.

Время растворилось.

Внезапный глухой, тяжелый звук вышвырнул меня обратно. Позвоночник пронзил холод. Секунду я ошарашенно смотрел в потолок, пытаюсь сообразить, где нахожусь. Рядом, умиротворенно, с закрытыми глазами, лежала она. Мысль обожгла: *Ребенок!*

В ответ пульс бешено застучал в горле, перехватывая дыхание.

Я подскочил, чувствуя, как горло уже разрывается от ударов. На красном бетонном полу лежало маленькое тельце. Его красное, опухшее личико... Глазки смотрели на меня, готовые вот-вот разрыдаться. Меня резко кольнуло слева в груди.

Мой взгляд, до этого мечущийся в панике, застыл на ней. Кулаки сжались.

– Тварь! – вырвалось у меня.

Мое колено стремительно вонзилось ей в живот. Ее брови изумленно поползли вверх, рот скривился, из горла вырвалось кряхтение. В тот же миг ее рука дернулась к моему паху. Ее пальцы сжали его так, что в моих глазах на миг потемнело.

– Ах ты...! – выплеснул я, стиснув зубы.

Вцепившись ей в запястье, я сдавил его изо всех сил. Тиски разжались. С широко распахнутыми глазами, не отрывая их от меня, она начала отползать к спинке дивана.

– Смотри! Он опять упал! – прокричал я, тыча пальцем в пол. Ребенок молча наблюдал за нами.

– Идиотка, сто раз одно и то же, – выпалил я снова, глядя в ее оскал и полные блеска глаза.

Она стала лихорадочно шарить левой рукой по дивану. В ее расширяющихся зрачках отразился ужас. Лицо побледнело. Взгляд, только что прикованный ко мне, забегал по подушкам. Она резко развернулась, опустила голову и замерла, уставившись вниз.

В этот момент я перемахнул через край дивана. Подхватив ребенка с пола, быстро пробежался по его ручкам и ножкам, трогая их и слегка надавливая.

– Все хорошо, – зашептал я. Волна облегчения прокатилась по моему телу. На глаза навернулись слезы.

Все это время она, не сводя с меня глаз, наблюдала за каждым моим движением.

Давя в себе кипящее раздражение и стараясь говорить спокойнее, я процедил:

– Я же тебе говорил, не клади ребенка на край дивана! Не клади! Ты меня никогда не слушаешь! — С шумом выдохнув, я опустил взгляд и уставился в широко открытые черные глазки ребенка. Он с любопытством смотрел на меня, не произнося ни звука.

– Вот молодец, умничка, мой мальчик, мое золотце! – проговорил я, укладывая ребенка рядом с ней, а сам опустился на пол.

– Ты хочешь, чтобы он умер! Я посмотрел на нее, прищурив глаза. Реальность дрогнула.

Перед глазами встала картина: крошечная детская могилка. Возле нее – ребенок, одетый не по погоде. Мужчина в черном. Его мертвенно-белое, как известь, лицо. На фоне звучал знакомый женский голос, от которого веяло уютом далекого детства в деревне. Он тогда ничего не сказал, только монотонно твердил: «Ничего страшного, ничего страшного...». А потом дома он забился в угол и плакал... Следом зазвучал голос матери: «Ты за всю свою жизнь не отмоешься! Ты это понимаешь?».

Кожу стянуло. Кулаки сжались и тело задрожало.

– Нет... нет... – сорвалось с губ едва слышно, так словно я сам отвечал на свой вопрос.

Животный ужас затопил меня. Тело больше не подчинялось разуму. Несколько слепых, яростных ударов пришлось ей по ногам.

– Дурак! – вскрикнула она, схватившись за ноги. Ее лицо исказилось в гримасе боли.

Нервная дрожь и пелена перед моими глазами вмиг рассеялись. Я заметался на месте.

Ее прорвало.

– Ты...! Да ты...! Совсем?! — пронзительно, на грани истерики заверещала она.

Ребенок резко вздрогнул и захныкал.

— Рот закрой! – процедил я сквозь зубы. Меня начало

трясти. Привстав, я замахнулся на нее. Она отпрянула, замолчав, не сводя с меня тревожного взгляда. Про ребенка все словно забыли.

Теленок... Только спать и есть. Думает, родила – и все? Королева, твою мать... – вспыхнуло в голове.

– Я же тебе говорил, чтобы ты не пугала его! Мало того, что он постоянно падает у тебя с дивана. Так ты ещё орёшь как резаная. – Я сжал губы.

– Сколько раз говорил: не класть ребенка на край! – повторил я в надежде перехватить инициативу и посмотрел на него. Он с любопытством наблюдал за мной.

Я замахнулся на нее еще раз, но в этот раз ни одна мышца на ее лице не дрогнула. Она не шелохнулась. Растерянно переводя внимание на ребенка, я наигранно улыбнулся и подмигнул ему, сразу встав.

Краем глаза я следил за ней.

Ее мертвенная неподвижность и взгляд, острый, как ледяной осколок, заставили меня окончательно съежиться, что-то внутри дергалось.

– Смотри за ним! – бросил я и, не сводя с нее взгляда, торопливо выскользнул в коридор, побежав в ванную. Я напряженно вслушивался в тишину за спиной.

Мельком взглянув в зеркало ванны, я выдавил шампунь и начал судорожно втирать его в волосы, пытаюсь смыть с себя липкое, тягостное послевкусие последнего часа. Затем, с той же целью, я еще несколько минут лил на голову воду.

Выключив кран и уперевшись руками в раковину, я пусто уставился в свое отражение. Через несколько минут, словно очнувшись, я схватил полотенце, грубо растер им волосы и, осторожно вслушиваясь, приоткрыл дверь.

Из коридора тянуло прохладой и мертвой тишиной.

Я мельком уловил едва слышный, прерывистый, сдавленный звук. Сердце рухнуло. Я шагнул в коридор, а из него в комнату и ошарашенно уставился на нее.

Она лежала на краю дивана, тихо всхлипывая и свернувшись вокруг спящего ребенка. Слезы скатывались по ее щеке, прямо на плечо сына.

Грудь сдавил спазм. Одним движением перемахнув через спинку дивана, я лег рядом и всем телом вжался в нее. Мои глаза наполнились слезами. Её тело нехотя дрогнуло, она лишь чуть оттолкнула меня. Одновременно на меня нахлынул жар ее тела и осознание того, каким мягким и податливым оно стало. В нём было что-то невыносимо знакомое — боль, усталость, но вместе с тем тихая чувственность, нежность, желание отдаться полностью, до самого дна, раствориться. Словно привычная стена, защищающая ее от мира, рухнула, и под обломками оказалась она — отчаянно живая и настоящая.

Стянув трусы, я резким рывком вошел в нее, погружаясь в обволакивающее, обжигающее тепло. Мир сузился до этого ощущения, а затем взорвался образами — призраками из ее рассказов, тенями тех, кто был до меня, ее бывшими. Раска-

ленный узел ревности скрутился внутри, столкнувшись с обжигающим дыханием ее нагой уязвимости и жаром внутри.

Эта мучительная смесь разжигала не просто желание, а испепеляющую, выжигающую изнутри лихорадку.

Я подался вперед, проведя языком по ее влажной коже щеки. Соленые капли – горькие, обжигающие – наполнили мой рот.

В ответ ее тело еще больше обмякло, бедра раскрылись, и она начала судорожно двигаться мне навстречу, сжимаясь внутри. И вновь, словно тени, нахлынули образы из ее прошлого, один за другим, подпитывая растущую во мне ярость и желание.

– Сука... — выдохнул я сквозь стиснутые зубы.

Пальцы сомкнулись на ее шее. Тело, ведомое слепым инстинктом, стремительно рванулось вперед. Я уперся в шейку. Член изогнулся, и пах заполнила тупая боль.

– Твою мать, – прошептал я. Она, словно не слыша меня, маленькими толчками продолжала двигаться навстречу мне.

Я положил руку на ее бедро, она не сразу остановилась.

Сделав пару коротких вдохов и выдохов, я снова подался ей навстречу, замедлившись, но тут же начал ускоряться. Ощущение жгучего, тянущего желания где-то глубоко в тазу нарастало.

Не в силах больше сдерживаться, я выдохнул со стоном, сделал несколько сильных рывков и вновь застыл. Я вжался в нее, еще крепче обняв, глубоко дыша.

Ее тело горело, было наполнено – но этот огонь не получил выхода, он застрял в ней. Она что-то прошипела. Оттолкнув ее, я приподнялся на колени. К горлу подступил ком, рот наполнился горьким привкусом. Сморщившись, я с трудом сглотнул. Торопливо перебравшись через нее и ребенка, я опять бросился в ванную.

Невольно мой взгляд упал на отражение в зеркале коридора: искаженные черты лица, кривящиеся губы, недовольная складка у носа. Все это, чуждое, смотрело на меня сейчас.

Первым вернулся запах. Резкий, кислый, въевшийся в камень и в сам мозг. За ним проступили звуки: мерное похрапывание соседа и тонкий вой сквозняка под потолком.

И только потом пришла картинка.

Влажно поблескивающие стены, ржавый обод ведра в углу слева. Всё было на своих местах.

Я заглянул в свое тело. Оно было так же далеко, как и прежде. Внутри была лишь вязкая пустота, перемешанная с горьким послевкусием лихорадочного воспоминания секса.

Память неожиданно выхватила образ: диван, и мы на нем – нагие. Она раскрывает мне свое прошлое, и в этот миг я вхожу в нее. Узел ревности в груди. Наши тела вибрируют, теряя границы друг в друге. Мир сужается до прикос-

новений и ее шепота. Всё остальное – лишь размытый фон, шум, который больше не имеет значения.

И это было всегда. Это было постоянно... Мне нравится думать, что она была не только моей... Это меня возбуждает? – мысль ударила так, словно я впервые увидел то, что всё это время было прямо перед глазами.

Она становилась другой, раскрывалась. Я тонул в ней и одновременно сгорал.

И она... она словно знала, что мне нужно, и давала это. Я всегда знал, со сколькими она спала, и пытался у нее подробности. Она рассказывала. Это было нашей прелюдией.

Со всеми ними... – мои челюсти сжались, а по груди прокатилась волна лихорадочного возбуждения.

Но и это не все: после этого случая мы словно пристрастились к боли, к ее боли. Каждый наш последующий секс начинался с того, что я тормозил ее, доводил до слез, причинял ей боль.

Перед глазами промелькнуло все то, что было уже в конце, в конце наших отношений, в постели.

Я просто насильничал ее, принуждал, уговаривал, а потом и изменял. Ее тело было уже мертво. И мое тело уже ничего не чувствовало. Мы оба тогда в самом начале почти были мертвы. И это был итог всего этого, итог нашей любви.

Щелкнул замок, резко прервав мои размышления. Дыхание оборвалось. Все мое внимание переключилось на дверь.

Окошко открылось, и оттуда ударил свет, а затем вынырнуло лицо.

– Обед! Встаём, берём тарелки! – пронесся по комнате голос. И следом последовала рука с алюминиевыми тарелками.

– Давай, поднимайся, чего расселся? – нетерпеливо добавил голос из окошка. Одна только мысль о том, чтобы поднести ложку ко рту в этом зловонии, вызвала спазм отворачивания.

Я начал медленно вставать. Тело сразу же предательски напомнило о себе острой болью суточной давности. На мгновение в глазах потемнело, и я пошатнулся. *Врача! Не нужен... Я заслужил. Пусть будет больно.*

Я это заслужил, – повторил я про себя. Медленно, шаркая ногами, я побрел к двери. За спиной послышалось такое же шарканье – вслед за мной двинулся мой сосед.

– На еду у тебя двадцать минут! Ясно? – рявкнул голос, когда я взял тарелку.

– Потом миски к окошку! – добавил он.

– У нас... – вырвалось у меня. *Идиот, сейчас договоришься...* – обожгла мысль, и по спине привычно полоснул холод.

– У вас, у тебя. Тоже мне... Двадцать минут, и вы должны закончить, – уже более мягким голосом произнес он.

Все они боятся, – подумал я, услышав его новую интонацию, – *получают свои тридцать сребреников и трясутся за места. Наверное, еще и подворовывает, как все.*

Я отвернулся и пошаркал к лежанке. Разместившись по-

дальше от ведра с помоями, я некоторое время смотрел в тарелку, затем нерешительно отправил полную ложку жижи в рот. Как только еда провалилась в глотку, мои глаза широко открылись, а по телу пробежало легкое возбуждение. Все вокруг стало ярче.

В общем-то, неплохо.

В надежде повторить это ощущение, я быстро зачерпнул новую порцию и отправил ее в рот, а затем стал все быстрее и быстрее закидывать содержимое тарелки в себя, как в топку. Когда тарелка опустела, в животе отозвалось тяжестью. Подняв голову, я посмотрел на соседа.

Держа руку под ложкой, он ел размеренно, не торопясь, словно совершал религиозный ритуал, каждую порцию разжевывая так, будто хотел превратить ее в жидкую похлебку у себя во рту.

А ведь кормят здесь неплохо, – заключил я, продолжая смотреть на то, как он медленно поглощает свою пищу. – Или я просто так проголодался? А может быть, дело в том, что настоящие удовольствия просты. Как эта каша. Да и все в самом деле в жизни просто, это мы все усложняем.

Перед глазами промелькнул красный пол и недоуменное лицо ребенка. *Все просто, но не проще, чем должно быть.*

В животе заурчало.

Переборзили с маслом, да и, наверное, дешевое, оно. Опять будет изжога, – с досадой пронеслось в голове. Или просто слишком много озарений на сегодня, – усмехнулся

я. – *Не переварить.* Я оглянулся.

Старик уже лежал лицом к стене, свернувшись калачиком.

Упав на лежанку и еще не успев собраться с мыслями, я услышал, как снова щелкнул затвор и знакомый голос крикнул: «Тарелки!».

Встав, я сложил тарелки друг в друга и, прищутив глаза, просунул их в окошко в двери.

А тут и не так плохо, как мне показалось с самого начала, и запах куда-то исчез.

Можно и жирок завязать, – усмехнулся я опять, ложась на нары.

Повернувшись на бок и уткнувшись взглядом в спину соседа, ко мне пришел образ моего сослуживца-ингуша. Было что-то мистическое в том, как он говорил по-русски, и не только. Каждый раз он засыпал как индийский йог, поднимая руку вверх. Так лежал несколько часов, а наутро просыпался бодрым и отдохнувшим. *Ну так он по крайней мере говорил.* Я улыбнулся, глядя в пустоту.

Надо попробовать, – и я перевернулся на спину.

Подняв одну руку вверх, я начал искать равновесие, чтобы она стояла как будто сама собой, без усилий. Но, продержавшись несколько секунд, рука упала вниз. Я вернул ее на место. И так несколько десятков раз, пока неожиданно она не исчезла – я просто перестал ее ощущать, она стала невесомой. Через мгновение на меня посыпались воспоминания — словно кадры старого фильма: разговор с матерью,

пивные бутылки за диваном, глаза ребенка, телефон с ее перепиской, и снова – слова матери: «Вон твой отец. Я же тоже ничего не умела. Ничего, научилась. Всему этому я бы не научилась, если бы...». Я не успевал их отслеживать.

Я провалился еще глубже. Теперь не было ни сна ни бодрствования, я словно оказался в другом времени. Место древних археологических раскопок, посреди руин давно затерянного города. В моих руках была кирка. И с каждым ударом по мертвой породе, я пробирался все глубже и глубже, слой за слоем. В какой-то момент пласт сам осыпался под своей же тяжестью, и на его месте открылся другой слой, пахнущий затхлостью и застарелой тоской. От вибрации моих ударов треснул и он. И...

Из темноты подъезда вынырнуло лоснящееся лицо с узкими блестящими глазками и глупой улыбкой.

Опять пьяная, – прошипел я, сжимая кулаки. Я уставился в её мутные глаза.

Она робко улыбнулась.

На долю секунды на ее месте я увидел другую ее. Ту, что много лет назад в парке смеялась над моей глупой шуткой до выступивших на глазах слёз. Ее лицо тогда было по-детски беззаботным и светлым.

– Вы только не ругайтесь на неё, у нас просто был корпо-

ратив, – прозвучал из темноты незнакомый женский голос, обрывая мои мысли.

Я вздрогнул. На миг заглянул в темноту, но тут же уставился на жену – её лицо застыло, словно маска. Не говоря ни слова, я затащил её внутрь.

– Мне всё равно, что у вас там, – пробубнил я, не отрывая взгляда от её глупой улыбки и захлопывая дверь.

– Да и у тебя персональные корпоративы чуть ли не каждый день, – добавил я, вспомнив про бутылки пива за ее диваном.

Горло сдавило.

Несколько секунд она смотрела на меня, с видимым усилием пытаясь сфокусировать взгляд.

Уголок её рта дрогнул, и она презрительно выдохнула: – Коозёл!

Я с удивлением и укором посмотрел на нее. Она отвела взгляд.

— Снимай обувь. Козёл тебе! – процедил я сквозь зубы и через секунду резко выпалил: – Коза!

Она не шелохнулась.

– Снимай! – прокричал я и толкнул ее так, что она громко завалилась на дверь.

— Отвали! – она оттолкнула меня в ответ и начала сползать по двери, замерев на корточках. Ее губы надулись, а руки повисли вдоль тела, уткнувшись в пол.

Ещё несколько секунд она смотрела на мои ноги, затем пе-

ревела взгляд на свои, потянулась к ботинкам и начала беспомощную возню.

Понаблюдав за её копошениями минуту, я не выдержал и прокричал:

– Дай-ка я, – и, опустившись на корточки напротив нее, начал развязывать ее ботинки. Она закрыла своё лицо руками, неразборчиво что-то мыча сквозь пальцы.

Мозг подкинул воспоминание недельной давности, где она также была главной участницей. Пьяное мычание, тело, которое едва держится на ногах... Пьяный секс между нами, который она наутро не помнила...

Она с тем же успехом могла забыть и секс с кем-то другим... Она была нараспаику... На улице холодно... А что, если она только что... в машине? Ведь на это и не нужно много времени.

Хотя нет, с ней была эта. Которая пиццала из темноты.

Я раздраженно дёргал шнурок на её ботинке. Справившись, я выпрямился и посмотрел на нее сверху вниз.

– Алкашня! – выпалил я.

Она убрала руки от лица.

– Ты! Да у нас... у нас был... был... Ты! Просто... вот... – пролепетала она, не в состоянии правильно построить предложение.

Я наблюдал за ней.

Страшная, маленькая, толстая, несуразная... Что я вообще в ней нашел? Все просто обалдели, когда мы с ней со-

ились.

Губы скривились в ухмылке.

– Смотреть на тебя тошно. Тьфу на тебя! Она сморщилась и несколько секунд недоуменно смотрела на меня и, закрыв лицо руками, разрыдалась.

– Я что, не могу с девочками пива выпить после работы? – с каждым словом она выплевывала свои слюни сквозь руки.

Надо же, и говорить начала нормально, – усмехнулся я про себя. *Актриса!* – ухмылку сменил снова подступивший к горлу спазм.

Стиснув зубы, я тут же выпалил:

– Да сколько можно! – У тебя же маленький ребенок! Разве нельзя просто жить нормально? Куда-то ходить, радоваться чему-то? Всем вместе? Быть счастливыми, наконец?! А не... вот это всё?

Последние слова я выкрикнул с такой силой, что в моих ушах зазвенело. Я кряхнул, прочищая горло.

Все мои потуги утонули в тишине.

Она сидела с опущенной головой, копошась у своих ног. Словно меня здесь не было. Словно я и не кричал. Меня начало выжигать внутри, медленно испепеляя всё, кроме злости.

Может, ебн... ей? Хоть так дойдет? – подкинул мозг уродливо простое решение. Грудь сдавило до боли, я стиснул зубы так, что заныла челюсть.

Я сделал несколько вдохов и выдохов, присел на корточки

напротив нее, схватив её за подбородок. Рывком повернул её лицо к себе и, пристально посмотрев ей в глаза, шепотом проговорил:

– Ты разрушаешь нашу жизнь. Ты понимаешь это? Ты травмируешь ребенка! Я остановился.

В её голубых глазах стояла пьяная муть. И я вдруг вспомнил другие глаза. Глаза нашего сына в кабинете врача. Он стоит у окна, и по его щекам текут слёзы. Врач только что надела на него очки, и он впервые видит так далеко – до самой дороги, а это в ста метрах от больницы.

Минус шесть, – мелькнуло у меня в голове. – И это в три года.

Он просто не хочет всего этого видеть! – выдал воспаленный мозг свой вердикт.

Внутри что-то оборвалось. К горлу опять подступил спазм, на глаза навернулись слезы.

— А знаешь, из-за чего он слепнет?! – выпалил я, резко оттолкнув её лицо, которое она всё время пыталась вырвать из моих рук.

– Знаешь?! Потому что не хочет всё это видеть! Не хочет видеть каждый день свою пьяную мать! Ты это понимаешь своими куриными мозгами?!

Она ничего не ответила, только опустила голову. Я вцепился ей в плечи и с силой тряхнул. Её голова безвольно мотнулась, слегка ударившись о дверь. Я посмотрел на нее.

Всё бессмысленно. Конченная. Одна и та же заезженная

тема. Каждый раз одно и то же.

Я оттолкнул ее, не отрывая своего презрительного взгляда.

В следующий миг она раскрыла свои мутные глаза и звучно плюнула прямо мне в лицо.

Я ошалел, инстинктивно отпрянул. Перед глазами потемнело. Мир сузился до ее глаз. Разум на мгновение отключился, и мой кулак в ответ со всего размаха опустился ей на голову. Она провалилась в плечи.

Я вскочил на ноги, отшатнувшись от нее, не отрывая взгляда.

Время на долю секунды остановилось. Хруст ее шеи повис в воздухе. В ее распахнутых глазах промелькнуло нечто похожее на удивление. Затем она схватилась за нее обеими руками и искривила лицо.

– Дурак, дурак... – выплеснула она, как в тот первый раз. Но тут же осеклась, опустив руки. Ее взгляд упал ниже, на мой пах, и застыл там. Она злорадно улыбнулась. Резко замахнувшись, она несколько раз беспомощно ударила воздух своими ручонками в его направлении, но не смогла достать. По всей прихожей разлился вой.

Я усмехнулся.

– Дура пьяная, – холодно через несколько секунд этого спектакля бросил я и, развернувшись быстро зашагал в сторону спальни, краем глаза поглядывая на нее и спиной ощущая неизбежное продолжение.

– Тюфяк! Пуфик! Черт! – донеслось вслед через секунду.

Это ее любимое оскорбление в последнее время. Меня словно переполнило. Тело стало ватным, тошнота тугим комком подкатила к горлу. Меня словно раздуло. Я стиснул зубы.

Развернувшись, я в два шага оказался рядом с ней. Схватив за волосы, рванул ее голову назад, на мгновение заглянув ей в глаза. Она беспомощно извивалась в моей руке, втыкая ногти мне в кисть. Адреналин полностью заглушил боль.

Затащив её в спальню, я со всего размаху ударил её головой о дверцу шкафа. Она завалилась на пол. Я тут же придавил её лицо к паркету. Её нижняя челюсть приоткрылась и через секунду жутко щелкнула. Меня будто током ударило. Я отдернул руку, отшатнулся и с ужасом уставился на неё.

Некоторое время она пыталась встать, барахтаясь на полу. И, наконец, оперевшись сначала на правую ногу, а потом, подставив вторую, начала подниматься, кратко посмотрев на меня, но, тут же дрогнув, со всего размаху рухнула, провалившись внутрь шкафа, гулко стукнувшись о заднюю стенку. Вся одежда свалилась на нее.

Какое-то время она лежала там, не шевелясь среди наших вещей, словно сломанная кукла. Затем начала нервно ворочаться, пытаясь выпутаться из этой груды одежды, раскидывая всё по сторонам и что-то бормоча.

Мозг судорожно начал выбрасывать одну мысль за другой. Тяжесть в груди и неприятный спазм в горле навалились

на меня. Мне стало её жалко.

Потом скажешь мне спасибо. Так будет лучше для тебя. Теперь все по-взрослому, рыба. Пуфик кончился. Ты сама к этому привела. Вынудила меня.

Несколько секунд я смотрел на все это и затем наклонился и схватил ее за руку, поднимая и таща на себя.

И в этот момент тупой удар по лбу огорошил меня – перед глазами взорвались искры. Я отшатнулся и сделал несколько шагов назад, уперевшись в стену.

В голове гудело. Я с трудом поймал фокус и уставился на нее, пытаюсь сообразить, что происходит.

– Тюфяк... тюфяк... тюфяк... – шипела она, брызгая слюной в мою сторону и глядя сквозь меня.

Я потрогал свой лоб, а затем перевел взгляд на ее руки. Она крепко сжимала маленькую детскую гантель. Мы оба на секунду застыли.

Я ринулся к ней.

– Убивают! – ее истошный вопль разорвал воздух. Всё вокруг начало гулко звенеть.

Одной рукой схватив за волосы, другой я вонзил сжатый кулак ей в рот.

– Заткнись! Заткнись! – прорычал я, с силой двигая ее голову навстречу кулаку. Она замычала, издавая глухие, чавкающие звуки.

В уголках ее рта проявились рваные ранки, которые сразу наполнились кровью. Я резко выдернул руку, опять отпрянул

и замер, уставившись на нее.

Опустив голову, она несколько секунд водила глазами по сторонам, затем облизала губы, прикоснулась к ним пальцами и с недоумением начала разглядывать их. Ее шатало.

Подняв голову, она уставилась на меня. Ее ноздри раздулись, а уголки рта поползли вверх, обнажая сжатые зубы.

Сделав несколько шагов в мою сторону и, сжав свои маленькие кулачки, она прыгнула на меня, обрушив град ударов на голову, лицо, грудь.

Пусть, – мелькнула в сознании мысль.

Я инстинктивно прикрыл пах руками и, уже корчась от пронизывающей боли от ее тонких кулачков, попятился, мотая головой, пока не впечатался спиной в стену.

Секунда, две, три...

– Хватит... – прохрипел я и, открыв глаза, поймал ее руки. Одним резким движением я сжал ее кисти и оттолкнул от себя.

Она сделала несколько шагов назад, замерла, смотря на меня невидящим взглядом. Ее руки безвольно повисли вдоль тела.

По лицу крупными каплями начали стекать слезы, попадая в приоткрытый рот и смешиваясь с кровью. Я смотрел на все это затаив дыхание.

– Всё, хватит! – выплеснул я и, протянув руки, сделал несколько шагов к ней.

– Хватит всего этого ненормального. Остановись! — про-

говорил я второй раз, и в следующее мгновение мне прилетело между ног.

– Твою мать! – вырвалось у меня. Боль заставила меня согнуться. Я схватился за пах, пытаюсь глубоко дышать, чувствуя, как живот скручивает тугим узлом.

Я с трудом разогнулся и принялся неистово прыгать на пятках. На третьем прыжке боль резко отступила. Я посмотрел ей прямо в глаза, и, стиснув челюсти, шагнул к ней.

Первый удар моей ладони пришелся по её лбу, заставив её отпрянуть на несколько шагов. Второй – пригвоздил к шкафу. А третий развернул ее, так, что она начала терять равновесие, семена ногами и путаясь в них.

Споткнувшись о трубу пылесоса, она рухнула на пол, гулко ударившись головой.

Грохот от ее падения эхом пронесся по квартире. Наступила абсолютная, звенящая тишина.

Она не шевелилась. Внутри всё сжалось, кровь застыла в жилах, а на спине выступил липкий холодный пот. Ее мутный, невидящий взгляд застыл где-то на потолке.

Не дышит, – пронеслось в голове, и сердце ухнуло куда-то в живот.

Я мгновенно подскочил к ней, подхватил на руки и понес через коридор. Распахнув дверь ногой, я вошел в ванную и осторожно опустил ее на холодное эмалированное дно. От прикосновения она легко вздрогнула. Я схватил смесь-гель.

На секунду задержав взгляд на её глазах, я передвинул ручку на холодную воду и направил струю ей на ноги – сначала на ступни, потом на голени и бёдра. С тихим стоном ее взгляд начал проясняться. Она беспомощно захлопала слипшимися ресницами.

– Нет, нет, не надо! – через несколько секунд уже истошно кричала она, отталкиваясь, проскальзывая по мокрому дну ванны и махая руками.

Я мгновенно направил струю ей в лицо. Она замерла, закрыв глаза и приоткрыв рот, а затем начала судорожно мотать головой из стороны в сторону, выплевывая воду.

Я смотрел, как кровавая вода уходит в слив, и ощутил, как в голове что-то сдвинулось. Теперь я наблюдал за происходящим словно со стороны, с холодным, отстраненным любопытством. Эмоции исчезли.

Мой взгляд отстраненно пробежался по её телу и остановился на коже, багровеющей через мокрые волосы у нее на голове.

Надо взять что-то холодное и приложить. Завтра же ей на работу. Что она там скажет? Холодно констатировал мозг, и я начал осматриваться вокруг.

Я остановился на отражении в зеркале. На лбу краснела небольшая шишка. Я безучастно потрогал ее по краям.

Ерунда, – подумал я и повернулся обратно к ней, снова остановив взгляд на ее голове.

– Дай посмотреть, – протягивая руки к её голове, я опять

безразлично процедил. Взяв её за подбородок, я осторожно поднял её лицо.

Она сначала поддалась моему движению, но, словно опомнившись, со всего размаху ударила меня рукой по предплечью.

Я не сразу убрал свою руку, а только несколько секунд смотрел на нее, не отрывая взгляда.

Она опустила голову и, обхватив колени руками, уткнулась в них.

Её тело мелко дрожало. Всклипывая, прерывисто дыша и слегка покачиваясь из стороны в сторону, она забубнила:

– Мы просто посидели с девочками, только посидели, – она подняла голову, посмотрев на меня, как будто ища понимания. Но тут же, выпучив глаза, прорычала: – А ты, а ты ничего не понимаешь, ничего не понимаешь!

Сглотнув подступивший к горлу спазм, я повернулся к ней вполоборота и посмотрел искоса, а затем снова направил струю воды ей на голову. Я протянул руку к крану и выключил его. Она подняла голову, наблюдая за мной, не шелохнувшись.

Взяв полотенце и вытерев руки, я несколько секунд смотрел на нее, а затем бросил его в нее и молча вышел из ванной, захлопнув дверь.

Тяжелая, вязкая темнота нехотя отступала, уступая место мутному серому свету, сочившемуся через окошко над головой. Он лениво очерчивал контуры голых стен.

В одно мгновение мир взорвался звуками. Шум ветра, отдаленные шаги в пустом коридоре, тихое сопение рядом и шорох ткани. Каждый звук, оглушительно четкий, вонзался мне в мозг.

Я оглядел камеру, и почти сразу сознание затопило жужжанием мыслей и воспоминаний, тело наполнилось ватной легкостью.

Ну, и зачем мне это было нужно? Раз набухалась, два, три. Развод, раздел имущества, алименты – и до свидания. Бухать-то она начала с тобой, – раздраженно пробубнил кто-то в голове в ответ.

Да похрен!

Нехер было с ней нянчиться. И ничего бы не было... И я был бы на свободе. И зачем? Эти бесконечные разговоры... О том, что нужно. И как должно быть... Воспитатель хренов!

А это чувство праведности – откуда? Типа я лучше знаю, всегда лучше знаю... Как будет лучше!

Последняя мысль вырвала из памяти образ матери.

Я совсем маленький, стою напротив нее. Детские кулачки

сжаты, губы упрямо поджаты. И в голове бьется только одно: *Они должны меняться, они должны понимать. Они должны... Они...*

Стены камеры загудели, как натянутая струна. Мой взгляд упал на руки, и я на несколько секунд всматривался в них. В ушах снова раздался стальной щелчок ее челюсти, тело вздрогнуло.

Прямо длань карающая... – выплеснуло мое сознание. *Откуда, откуда столько жестокости?* Мои плечи опустились.

Эта мысль вызвала в памяти уже другой образ.

Отец, взяв тяжелую железную линейку, методично хлещет меня, пятилетнего, хлещет по кончикам пальцев. За что — не помню. Рядом бабушка: сначала тихо увещевает его, потом угрожает и, наконец, выхватывает линейку. Сквозь пелену боли и детского ужаса пробивается его голос:

«Только так можно что-то вбить в его голову!.. Только так... чему-то научить!».

Голос затих. Остался только образ.

Передо мной стоял маленький, ничего не понимающий мальчик, в его распахнутых от ужаса глазах застыли немой вопрос и отчаянная жажда – прижаться к отцу, почувствовать хоть каплю тепла. Тепла и любви, в которых он так мучительно нуждался.

Но в ответ – холод железа и жгучая боль. Все начало зудеть.

На моем теле нет живого места, – пронеслось у меня в голове.

Всю свою жизнь я жил в боли, моя жизнь и есть боль. Я не помню, чтобы мне не было больно.

В тот же миг на меня обрушились... уродливые, рваные картины моего детства. Тёмное пятно отцовского ботинка, летящее прямо в лицо. Оторванная голова плюшевой собачки, смотрящая на меня мертвым стеклянным глазом. Желто-фиолетовые пятна синяков на бедрах, которые я тайком считал перед зеркалом в ванной.

И тихое бормотание отца сквозь зубы: «Это для твоей же пользы. А как по-другому, как воспитывать...».

Внезапно все мысли оборвались. Буря в голове стихла, оставив после себя лишь гулкую пустоту. И тут же внутри все обрушилось.

Я стал своим отцом... – взвыл я про себя.

Я стал своим дедом...

Я стал своим прадедом. Он был очень жесток...

Я стал...

Я опустил голову. Диафрагму стянуло в узел. Комок резко подкатил к горлу. Лицо исказила гримаса боли, и я разрыдался. Все растворилось в этом первобытном акте скорби по себе. Я не в силах был себя остановить. Тело сотрясалось, выталкивая из себя десятилетия боли, которую причиняли мне, и боли, которую причинял я.

Время остановилось.

Слезы иссякли, оставив после себя лишь тупую, пульсирующую боль за глазами и соленый привкус на губах. Я сидел, опустошенный и безвольный. Внутри была вязкая, бездонная тишина, и, казалось, ей не будет конца.

Но вдруг из самой ее глубины, там, где, казалось, уже не было ничего, начал пробиваться едва слышный шепот. Я замер и начал вслушиваться. Он становился все громче и громче, пока не превратился в беззвучный крик, который уже разбивал голову у меня изнутри:

Я не такой, как они! Не такой! Я не такой, нет...

И следом, в памяти прошелестели слова голосом моей бабушки, той самой, по маме: «Ты хороший, ты добрый».

Она любила меня. Да, она, кажется, любила меня больше всего на свете – наверное, даже больше, чем своего единственного сына. Она любила меня, – повторил я про себя, словно цепляясь за надежду. – Любила.

А ведь нельзя любить плохого человека. Нельзя. Значит, я неплохой. Где-то там, глубоко, я точно не плохой. Я нет...

Что-то опять щелкнуло в голове, и перед глазами промелькнули образы маленьких отца, деда, прадеда.

И тут пазл сложился: *истязал их всех маленький, напуганный мальчик, забитый ребенок: мою бабушку, мою мать, ее. Не плохой, а испуганный и забитый мальчик! Из поколения в поколение, каждый раз один и тот же, истерзанный и запуганный мальчик, мальчик, мстящий за себя, за свой страх.*

Я еще несколько минут сидел не шевелясь с этим осознанием, а затем сделал глубокий вдох. Я мелко задрожал. Я не мог остановить эту тряску несколько минут. Из меня что-то выходило.

Жар начал заполнять все тело из груди, сжигая все. На одно короткое, звенящее мгновение я стал собой. Не звеном проклятой цепи, а собой. Не жертвой, не мучителем, а несчастным человеком, сидящим в тишине сырой камеры. Я начал приходить в себя. Я опять огляделся вокруг.

В ответ голова налилась тяжестью. В следующий момент меня всего словно придавило чем-то тяжелым. Я сгорбился. В животе, на месте выгоревших дотла чувств, свернулся холодный ком смертельной усталости.

Полное бессилие.

Бесполезно все это. Ничего уже не изменить... Одни лишь бестолковые оправдания, пустые прозрения. Их не воскресить. К черту... К черту все эти воспоминания, к черту все эти копания!

– Сил нет больше! Нет сил! – проговорил я. – Пусть будет как есть! Пусть меня осудят, и я отсижу свое. Там, может, все и пойдет на лад, и я исправлюсь. Меня развернуло в обратную сторону. Никакого искупления, только наказание.

– Хватит этой болтовни! – уже прокричал я, в ответ собственным мыслям.

– Хватит! Мышцы свело, и, подняв руки, я со всего размаху несколько раз врезал кулаками по настилу.

– Хватит! Практически сразу мои кулаки взлетели и с лету врезались в мои виски с обеих сторон.

Потеряв на мгновение ориентир и словно желая добить себя, я ещё несколько раз с новой силой ударил себя кулаком в лоб.

Перед глазами всё начало мутиться.

Тупая, давящая боль пульсировала в висках, отзываясь на каждый удар сердца. В ушах стоял глухой, непрерывный звон, превратившийся в ровный белый шум. Я – легко и безвольно парил в этой гудящей пустоте. Меня повело в сторону. Тьма по краям зрения уже почти сомкнулась.

– Такой сон перебили... такой сон... – прорвались в сознание громкие причмокивания моего горе-соседа.

Я замер, опершись на руку, и повернул голову в его сторону, пытаюсь сфокусировать расплывшийся взгляд и унять мусть внутри.

Он приоткрыл глаза так, что стали видны его зрачки, искоса посмотрел на меня, но тут же снова закрыл их и сложил руки на груди, словно покойник.

Сейчас будет рассказывать свои нравоучительные истории

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.